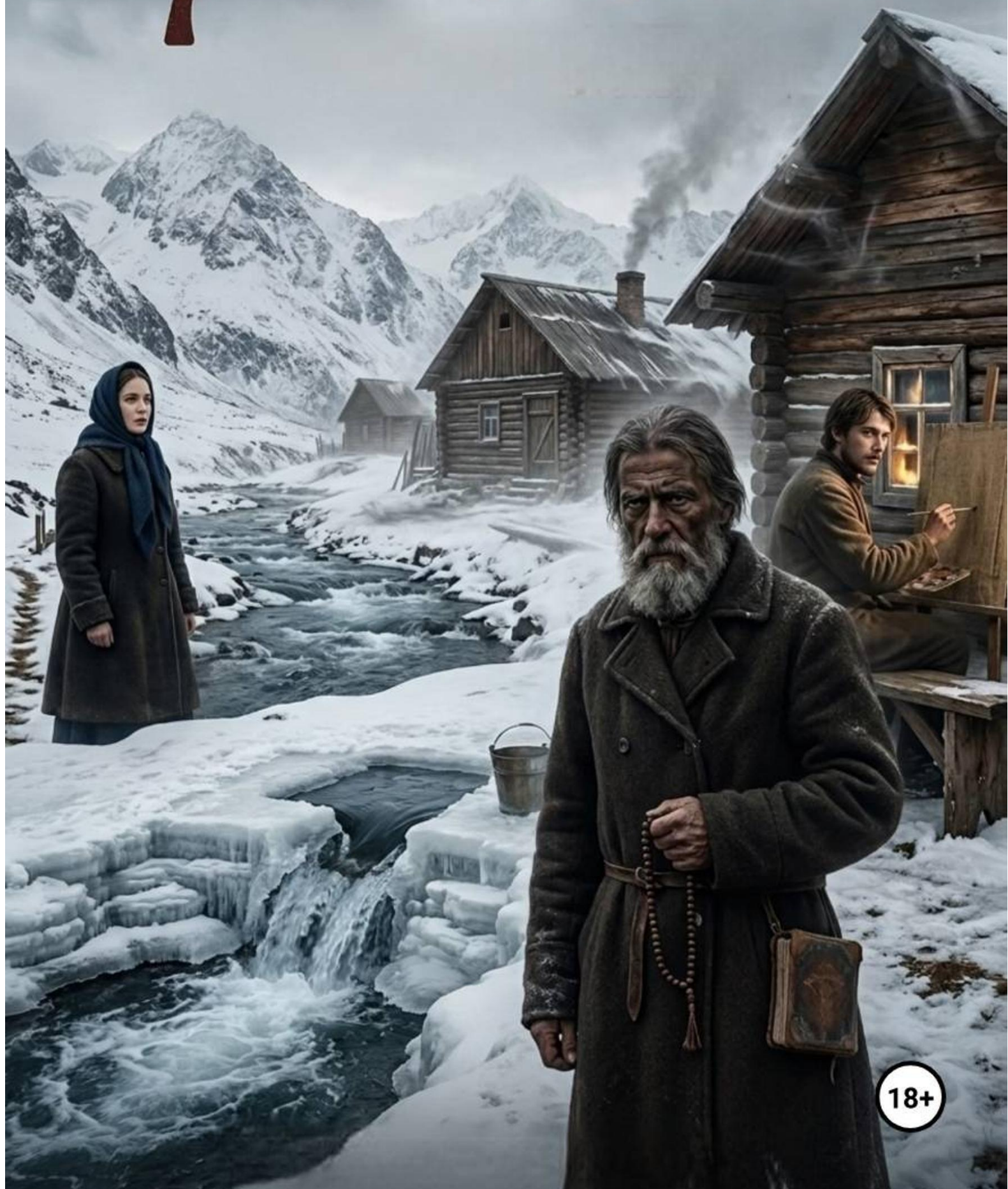

УСТАВ

18+

Кирилл Пушкарёв

Устав

«Автор»

2026

Пушкарёв К.

Устав / К. Пушкарёв — «Автор», 2026

Холод очищает тело. Огонь очищает душу. Что очищают они вместе? Вдали от цивилизации, среди кедров Алтая люди пытаются сохранить веру предков. Но устав, написанный кровью, становится клеткой. Любое проявление тепла — будь то прикосновение руки или доброе слово — объявляется ересью. Эта книга — о цене идеального порядка. О том, во что превращается религия, лишенная любви. И о том, какой монстр может проснуться внутри самого праведного человека, если загнать его в угол.

© Пушкарёв К., 2026

© Автор, 2026

Кирилл Пушкарёв

Устав

УСТАВ

Глава 1. Пепел кедрача

Февраль на Алтае не заканчивается — он обрывается. Солнце здесь не восходит, оно выползает над пиками Белухи бледным, равнодушным пятном, чтобы через четыре часа снова нырнуть за Сумультинский хребет. В Уймонской долине ночь длится вечность, и единственным мерилom времени служит треск лопающегося льда на реке Бирюксе.

В молельной избе было холоднее, чем снаружи. Лука сидел на низкой скамье, поджав ноги под рушник. От земляного пола тянуло могильной сыростью, а от стен из листвяка — смолистой тоской. Перед ним лежала доска. Липовая плашка, ради которой он два дня шел по бурелому, пока буран не загнал его в охотничью заимку.

Пальцы Луки были синими от холода, но когда он брал в руки резец, дрожь проходила. Он был иконописцем. Не ремесленником, что накладывает темперу по прописям, а писцом — тем, кто переводит божественный свет на дерево. Его иконы пугали старух: глаза святых на них казались живыми, слишком страдающими для райского покоя.

— Опять маешься? — голос раздался не со стороны входа, а словно спустился сверху, из-под потолочных матиц.

Иона вошел бесшумно, несмотря на тяжелую медвежью шубу. Духовнику общины переваляло за шестьдесят, но время обошло его стороной, лишь высушив кожу до цвета старого пергамента. Свет лучины отразился в его глазах — прозрачных, ледяных, без дна.

— Запах ловлю, отче, — тихо ответил Лука, не поднимая головы. — Смола играет. Завтра левкасить буду.

Иона подошел сзади. Тень наставника упала на доску, перечеркнув едва намеченный киноварью лик Спаса. Лука инстинктивно дернул плечом, пытаясь закрыть работу.

— Греешь глину своим дыханием, сыне, — Иона говорил нараспев, цитатно, как читают Часослов. — А глина-то мертва. Ты ей душу вдохнуть хочешь? Гордыня это, Лука. Худшая гордыня. Спасов образ рублевские мужи писали, слезами умываясь, постом строгим. А ты... лесом пахнешь. Зверем.

— Бог создал зверя прежде человека, — огрызнулся Лука, забывшись. — Значит, в звере чистоты поболее будет, чем в попе никонианском.

Удар посоха о половицу прозвучал как выстрел. Лука вздрогнул. Посох Ионы был выструган из корня маральника, твердого как железо.

— Язык прикуси, — прошипел наставник. Лицо его исказилось, утратив сходство с иконой. — Никониане — тьфу. Смердят они геенной. А вот прелесть твоя духовная... Она сладкая. Дьявол медом мажет, чтоб проглотил ты крючок не жуя. Чувственность твоя погубит род наш.

Иона ткнул посохом в плечо Луки. Было больно, но юноша стерпел. Боль была привычной. Вся жизнь в скиту состояла из поклонов, холода и вины.

— Мать Ефимии пишет, — сменил тему Иона, убирая посох. Голос его снова стал ровным, маслянистым. — Девка занедужила духом. Томление у неё. Привезем её сюда, на Великий пост. Пусть поживет при честных людях, авось дурь поветрит. Присмотришь за ней. Глаз не спускать.

Лука похолодел уже не от сквозняка. Ефимия. Золотые волосы, заплетенные в тугую косу толщиной с руку. Глаза-незабудки. Она приезжала прошлым летом. Они стояли тогда у реки, и она бросала камешки в стремнину, а он смотрел, как намокает край её саяна...

— Зачем мне? — глухо спросил Лука. — У меня работа. Пост идет.

— Потому что кровь одна, — отрезал Иона. — За грех племянника дядя отвечает перед Богом. Если она оступится — твой грех умножится десятирицею. Понял?

Лука кивнул, глядя на свои руки. На среднем пальце правой руки, сжимающей резец, запеклась смола. Черное пятно на белой коже. Как печать.

Буран начался внезапно. В горах погода меняется быстрее, чем человек успевает перекреститься двуперстием. Лука ушел искать сухостой — старый кедр, убитый молнией. Дерево, познавшее небесный огонь, считалось лучшим для икон: оно не гниет.

Снег повалил стеной. Белая мгла сожрала тайгу за три вдоха. Лука понял, что не дойдет. Ноги вязли в сугробах по пояс, ветер рвал кожух с плеч. До скита версты три, но это были верзы смерти.

Он увидел просвет между елями. Охотничья заимка. Низкий сруб, дверь припорошена. Внутри — грубо сколоченный стол, нары и жестяная печка-буржуйка, краденая еще дедом Ионы в Бийске во времена колхозов.

Лука упал внутрь, задвинув засов. Руки не слушались. Он достал кресало, высек огня. Сухой мох вспыхнул. Вскоре в трубе загудело.

Только когда тепло начало пробираться до костей, он услышал дыхание.

На верхних нарах кто-то пошевелился. Скрипнули доски.
Из вороха собачьих шкур показалась голова. Женская.
Ефимия.

Она смотрела на него без страха. Только губы дрогнули.

— Говорили, ты в лесу остался.

— Господь вывел, — выдохнул Лука, чувствуя, как жар стыда заливает шею. Находиться в закрытом помещении с чужой девкой, да ещё и лежать с ней под одной крышей — страшнейшее нарушение канона. Осквернение места.

— Иди сюда, — сказала она просто. — Буржуйка маленькая. Одному не вытянуть.

Это был приказ милосердия. Или погибель.

Лука снял мокрый тулуп. Зубы выбивали дробь. Он полез наверх, стараясь не касаться её. Но шкуры были узкими.

Они легли спина к спине. Между ними проходил невидимый разряд такой силы, что воздух трещал. Лука чувствовал лопатками каждый изгиб её тела, мягкость платка, хрупкость позвоночника.

— Страшно? — спросила она в темноту.

— Устав запрещает, — прохрипел он.

— Устав сейчас там, — она махнула рукой в сторону двери, где выл февраль. — А мы тут. Если замерзнем насмерть, отец Иона скажет, что такова воля Божия. Удобно, правда? Богу приписывать свою жестокость.

Лука закрыл глаза. Это были слова ереси. Чистейшей. Но почему же они звучали правднее любой молитвы?

Чтобы согреться, она начала читать вслух. Не псалмы. Стихи. Есенина. Старообрядческая община хранила эти тонкие книжечки, отпечатанные на папиросной бумаге, как величайшую драгоценность — память о мире, который они потеряли.

«Белая береза под моим окном...»

Лука перевернулся. Теперь они смотрели друг другу в лицо. Расстояние — ладонь. Её щеки покраснелись от жара печи. Ресницы заиндевели от дыхания.

— Протяни руки, — шепнула она. — К огню.

Он протянул ладони к щели дверцы буржуйки. Она положила свои поверх. Маленькие, красные от мороза.

Их пальцы соприкоснулись.

Всего на секунду.

Но этой секунды хватило, чтобы мир рухнул.

В углу висела бумажная иконка Николая Чудотворца. Лука перевел взгляд на неё. Святитель смотрел строго, осуждающе. Персты сложены двоеперстием.

«Блуд начинается не с ложа, а с согласия ума».

Лука резко отдернул руки, будто обжегся.

— Спи, — буркнул он, отворачиваясь к стене. — Пока метель не стихнет. Утром пойдем.

Ночь прошла в полузабытьи. Лука не спал. Он слушал, как бьется её сердце — часто, испуганно, пойманной птицей. И понимал, что если выживет, эта ночь станет началом конца.

Утром, собирая щепу для растопки, Лука нашел кусок старой бересты. Чтобы занять руки и не смотреть на проснувшуюся Ефимию, он вынул нож.

Рука сама вывела контур. Восьмиконечный крест. Древлеправославный.

Но пропорции вышли неверными. Нижняя перекосилась. Перекладина для ног торчала криво.

Он посмотрел на дело рук своих. Это была пародия. Карикатура на святыню.

Лука почувствовал тошноту. Он бросил берестяной крест в огонь.

Но тот не загорелся сразу. Изогнулся, почернел, и только потом сжукожил в пепел.

Луке показалось, что крест застонал.

Когда они дошли до скита, ворота были открыты. Община стояла на коленях посреди двора. Шла молитва "в снег". Иона стоял впереди, босиком на ледяной корке, лицом к востоку. Он обернулся. Взгляд его прошел сквозь Луку, даже не зацепившись, и впился в Ефимию.

А потом он заметил.

На шее Луки, поверх воротника рубахи, болталось что-то белое.

Остатки сгоревшей бересты, которые парень машинально вытащил из кармана, сплюсались и теперь висели на гайтане, как амулет дикаря.

Иона медленно поднялся с колен. Молитва оборвалась звенящей тишиной, в которой был слышен только вой ветра в кедрах.

Лука встретился взглядом с наставником.

В прозрачном льду глаз Ионы он увидел свой приговор.

Не смерть.

Хуже.

Вечную мерзлоту души.

Глава 2. Каменная клеть

Запах горелой бересты преследовал Луку даже сквозь тяжелый дух овчины, которой его накрыли после возвращения. Он сидел на низкой колоде в задней избе — «грешной». Сюда сажали тех, чья душа дала течь перед лицом Антихриста. Стены здесь были не проконопачены мхом, щели зияли черными ртами, пуская ледяные пальцы сквозняка прямо под рубаху. Лука обхватил колени руками, пытаясь сохранить остатки тепла. Его трясло. То ли от холода, то ли от того взгляда Ионы.

Дверь, обитая старым железом, взвизгнула несмазанными петлями. Вошел наставник. Теперь он был не в дорожной одежде, а в полном облачении: черный кафтан до пят, лестовка свисала до пола, лицо скрыто тенью низко надвинутого скуфьи-клобука. Он не сел. Остановился посреди комнаты, превратившись в столб мрака.

— Ну что, сыне? — голос Ионы звучал глухо, словно шел со дна глубокого колодца. — Согрелся?

Лука молчал. Любое слово сейчас могло стать гвоздем в крышку собственного гроба.

— Молчишь, — кивнул Иона. — Оно и верно. Язык твой вчера блудодействовал без устали. Не тем словом, что наружу вышло, а тем, что внутри зрело. Блуд духа, Лука. Худший грех. Телесный блуд смывается слезами да епитимьей сто поклонов. А духовный... он душу выжигает. Насквозь.

Иона шагнул вперед. Свет лучины упал на его лицо. Старик осунулся за одну ночь, но глаза стали острыми, как осколки льда.

— Сказывай чин чинарем. Как вошли в заимку? Кто дверь затворил?

— Буран, отче... — просипел Лука. Горло пересохло. — Сами захлопнулись...

— Захлопнулась! — Иона ударил посохом. Дерево гулко стукнуло о половицу. — Дверь бесу ворота открывает, коли сам их распахнешь! Ты вошел в клеть с девкой чужой. Кровь у вас одна, да закон разный. Она — рода соседского, хоть и своя по вере. Вы два часа вместе сидели. Два часа! Плоть свою морозили, чтоб друг друга греть? Говори!

— Мы спинами друг к другу лежали, — выдавил Лука. — Шубой одной укрывались. Иначе смерть.

Иона медленно покачал головой. Лицо его исказила гримаса безглагольного сострадания.

— Смерть... Боишься смерти телесной больше, чем вечного огня. Эх, Лука... Искусство твое погубило тя. Чувствуешь много. Господь велит терпеть холод, а ты — спастись ищешь. Спасение утопающего — дело рук Божиих, а не бабьего тепла. Значит, грелись?

— Грелись, — признал Лука. Ложь была страшнее любой казни.

— Грелись... — эхом повторил Иона. Слово повисло в воздухе тяжелым камнем. — А когда она стихи читала мирские? Когда Есенина-безбожника языком своим поганым трепала? Тоже грелся? Умом своим в прелесть впадал?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.